

> МАГИСТРАЛЪ >

КЕЙТ ШОПЕН

Пробуждение

Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ш79

Kate Chopin
THE AWAKENING

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Екатерины Шуруповой*

Литературная редакция *Олеси Царёвой*

Художественное оформление серии *Натальи Портняной*

Шопен, Кейт.

Ш79 Пробуждение / Кейт Шопен ; [перевод с английского-го Е. Шуруповой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-198784-8

Эдна Понтелье проводит лето с мужем и детьми на берегу Мексиканского залива в пансионе семьи Лебрэн. Знакомство с Робертом Лебрэном что-то меняет в Эдне, их дружба пробуждает в ней мысли и чувства, незнакомые ей раньше, в ней просыпается прежняя страсть к рисованию. Но вот лето подходит к концу, жильцы пансиона возвращаются домой, а Роберт внезапно объявляет, что уезжает попытать счастья в Мексику и хочет остаться там навсегда, это сильно опечаливает Эдну, хотя она и не понимает почему. Вернувшись в Новый Орлеан, Эдна тоскует по Роберту, переосмысляет свою семейную жизнь и решает меньше заниматься обязанностями хозяйки, а больше рисованием. Она всё больше отдаляется от семьи, привычного круга общения, что волнует её мужа Леонса.

Откровенное изображение женщины, которая отказывается принимать навязанную ей обществом роль жены и матери, ищет себя как личность, потрясло американское общество. Этот роман можно поставить в один ряд с «Госпожой Бовари» Гюстава Флобера и «Анной Карениной» Льва Толстого.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Шурупова Е., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198784-8

Пробуждение

Роман

I

Желто-зеленый попугай в подвесной клетке у двери неумолчно выкрикивал:

— *Allez vous-en! Allez vous-en! Sapristi!*¹ Вот так-то!

Он знал несколько слов по-испански и на языке, которого никто не понимал — разве только неугомонный пересмешник по другую сторону двери, доводящий до иступления своими бесконечными трелями.

Мистер Понтелье, сидевший у двери главного здания, потерял всякую надежду спокойно почитать газету. Недовольно поморщившись, он встал и прошел по галерее и по узким мосткам, соединяющим гостевые домики семьи Лебрэн. Попугай и пересмешник принадлежали мадам Лебрэн, а потому имели право шуметь, сколько вздумается. А мистер Понтелье, в свою очередь, имел право покидать их общество, когда птицы начинали ему досаждать.

Он остановился у двери своего гостевого домика — четвертого от главного здания и предпоследнего в ряду. Опустившись в плетеное кресло, мужчина

¹ Убирайтесь! Убирайтесь! Черт побери! (фр.) (Здесь и далее прим. перев.)

вновь начал читать газету. Было воскресенье, а газету он читал вчерашнюю: воскресные до Гранд-Айл пока не дошли. Мистер Понтелье уже ознакомился с биржевыми отчетами и теперь нетерпеливо скользил взглядом по колонке редактора и новостям, которые не успел прочесть накануне, перед отъездом из Нового Орлеана.

Мистер Понтелье был мужчина сорока лет, среднего роста и шупловатого телосложения, слегка сутулый и в очках. Прямые каштановые волосы он причесывал на косой пробор. Бороду носил короткую, аккуратно подстриженную.

Время от времени он поднимал глаза от страницы и глядел по сторонам. В большом доме сегодня шумели громче обычного. Главное здание пансиона называли «большим домом», тем самым выделяя среди гостевых домиков. Птицы по-прежнему свистели и щебетали. Две девочки, близняшки Фариваль, в четыре руки исполняли на пианино отрывок из оперы «Цампа». Мадам Лебрен суетливо бегала туда-сюда и громко раздавала поручения садовнику, когда оказывалась дома, и столь же громко — прислуге в столовой, когда выходила на улицу. Это была свежая, хорошенькая женщина, всегда одетая в белые платья с рукавами до локтя. Ее накрахмаленные юбки шелестели при ходьбе. У гостевого домика неподалеку чинно расхаживала дама в черном, перебирая четки. Многие постояльцы уплыли с Бодле в рыбацкую деревушку Шеньер-Каминада — послушать мессу. Кое-кто из молодежи играл в крокет под черными

дубами. Поблизости гуляли дети мистера Понтелье — два крепких мальчугана четырех и пяти лет. Няня-квартиронка следовала за ними с отсутствующим, задумчивым видом.

Мистер Понтелье наконец зажег сигару и затаился, лениво выпустив из рук газету. Он следил взглядом за белым зонтиком, который с черепашьей скоростью полз от пляжа. Зонтик отчетливо виднелся среди желтых ромашек и тощих стволов черных дубов. Очертания залива вдалеке сливались с чистой синевой горизонта. А зонтик тем временем приближался. Под светлым в розовую полоску куполом шли миссис Понтелье и юный Роберт Лебрэн. Добравшись до гостевого домика, они сели лицом друг к другу на верхнюю ступеньку крыльца и оперлись на столбики перил.

— Что за блажь купаться в такую жару! — протянул мистер Понтелье. Сам он окунулся еще на рассвете, потому утро и тянулось для него так долго. — Обгорела до неузнаваемости! — Он оглядел жену взглядом собственника, чье ценное имущество слегка пострадало.

Миссис Понтелье выставила перед собой сильные, красивые руки и придирчиво осмотрела, закатав горчичного цвета рукава выше запястий. Это ей сразу напомнило о кольцах, которые она отдала мужу на хранение перед уходом на пляж. Миссис Понтелье молча протянула руку мужу, а тот, без слов ее понимая, вынул кольца из кармана жилета и положил в раскрытую ладонь жены. Она надела украшения,

обхватила руками колени и вдруг безудержно рассмеялась, глядя на Роберта. На пальцах сверкнули кольца. Роберт улыбнулся в ответ.

— В чем дело? — Понтелье с ленивым любопытством переводил взгляд с жены на Лебрена.

Так, пустяк — на пляже произошел какой-то забавный случай, и оба наперебой принялись о нем рассказывать. Получилось куда скучнее, чем было на самом деле. Мистер Понтелье зевнул и потянулся. Потом встал и объявил, что не прочь заглянуть в Клейновский отель и сыграть партию в бильярд.

— Пойдем со мной, Лебрен, — предложил он Роберту.

Тот честно признался, что лучше останется поболтать с миссис Понтелье.

— Что ж, Эдна, отошли его, как надоест, — шутливо поручил мистер Понтелье жене перед уходом.

— Стой, возьми зонтик! — спохватилась она.

Понтелье взял у жены зонт, раскрыл над головой и удалился.

— Вернешься к ужину? — крикнула миссис Понтелье ему вслед.

Понтелье приостановился и пожал плечами. В кармане он нащупал десятидолларовую купюру. Кто знает — может, вернется к раннему ужину, а может, и нет. Смотри какая соберется компания и с каким размахом пойдет игра. Вслух он этого не произнес, но миссис Понтелье сама догадалась и со смехом кивнула ему на прощание.

Заметив, что отец уходит, сыновья принялись напрашиваться с ним. Мистер Понтелье поцеловал их и пообещал принести конфет и орешков.

II

Глаза у миссис Понтелье были золотисто-карие, под цвет волос, а взгляд — живой и пронизательный. Если ее взор выхватывал какой-нибудь предмет, она подолгу задумчиво его рассматривала, словно терялась во внутреннем лабиринте мыслей и рассуждений.

Брови — на тон темнее волос, густые и почти без изгиба — лишь подчеркивали глубину глаз. Вся ее внешность отличалась скорее яркостью, чем утонченной красотой. Лицо Эдны притягивало взгляд любопытным контрастом между искренним выражением и легким намеком на игривость в чертах. Она очень располагала к себе.

Роберт свернул сигарету. По его словам, он курил сигареты, потому что не мог позволить себе сигар. Правда, в кармане лежала одна — мистер Понтелье угостил, — но Роберт решил приберечь ее и покурить после ужина. Он не видел в этом подарке ничего предосудительного и странного.

Оттенком кожи он напоминал свою спутницу. Чисто выбритое лицо делало сходство еще заметнее. Его безмятежность не омрачалась даже тенью тревоги. Взгляд Роберта отражал свет и истому жаркого летнего дня.

Миссис Понтелье взяла с крыльца веер из павлиньих перьев и принялась обмахиваться, а Роберт выпускал облачка дыма. Они с миссис Понтелье болтали без умолку обо всем вокруг: о забавном приключении на пляже — теперь оно снова казалось им смешным, о ветре, деревьях, об уехавших в Шеньер, о детях, играющих в крокет под дубами, о близняшках Фариваль, исполняющих увертюру из «Поэта и крестьянина».

Роберт по молодости и неопытности много говорил о себе. Миссис Понтелье говорила о себе по той же причине — правда, поменьше. Они с интересом друг друга слушали. Роберт сказал, что осенью уедет попытать счастья в Мексике. Он всегда мечтал туда поехать, но никак не получалось. А пока он занимает скромную должность в одном новоорлеанском торговом доме, гдегодились его знания английского, французского и испанского — он ведет переписку с иностранцами.

Это лето Роберт как обычно проводил на Гранд-Айл со своей матерью. Прежде в семье Лебрэн большой дом считался роскошью для летнего отдыха. Теперь, когда он оброс дюжиной гостевых домиков, где постоянно обитали состоятельные жители *Quartier Francais*¹, мадам Лебрэн могла жить с комфортом, который ей, судя по всему, полагался по праву рождения.

¹ Французский квартал (*фр.*), старейшая часть Нового Орлеана.

Миссис Понтелье — американка с небольшой примесью французской крови, теперь уже сильно разбавленной — рассказывала о плантации отца в Миссисипи и о доме детства в старом добром Кентукки, краю голубой травы¹. Она прочла Роберту письмо от сестры, которая жила на востоке и недавно обручилась. Роберт с интересом спрашивал, что за люди ее сестры, каков ее отец, давно ли умерла мать.

Когда миссис Понтелье сложила письмо, уже пришло время переодеваться к раннему ужину.

— Вижу, Леонс домой не собирается, — заметила она, поглядев в сторону, куда ушел ее муж. Роберт с ней согласился: в Клейновском отеле в тот день собралось немало членов новоорлеанских клубов.

Миссис Понтелье ушла к себе и оставила Роберта одного, а он беззаботно спустился по лестнице и присоединился к игрокам в крокет. Оставшиеся до ужина полчаса он весело провел с детьми Понтелье, которые очень его любили.

III

В одиннадцать мистер Понтелье вернулся из Клейновского отеля — в весьма приподнятом настроении и расположенный поговорить. Своим приходом он

¹ Такое народное название штат получил благодаря переселенцам Кентукки, которые утверждали, что растущий повсюду мятлик луговой на солнце имеет голубоватый оттенок.

разбудил супругу, которая уже крепко спала. Переодеваясь ко сну, он рассказывал ей о разных забавных происшествиях, новостях и сплетнях, услышанных за день. Между делом он достал из кармана брюк горсть смятых купюр, хорошую горку серебряных монет и положил на прикроватный столик вперемешку с ключами, складным ножом, платком и прочим содержимым кармана. Миссис Понтелье одолевал сон, и она лишь что-то бормотала в знак согласия.

Мистера Понтелье немного обескуражило, что супруга — смысл всей его жизни! — проявила столь мало интереса к общению с ним.

И хотя он забыл принести мальчикам конфет и орешков, мистер Понтелье все же решил заглянуть к детям в смежную спальню — проверить, хорошо ли спят. В итоге он остался недоволен увиденным. А когда поправил постельное и перевернул малышей, один из них начал пинаться и лепетать про какое-то ведро с крабами.

Мистер Понтелье вернулся и важно сообщил жене: у Рауля жар, за ним нужен пригляд. Потом закурил сигару и сел у открытой двери.

Миссис Понтелье не заметила у Рауля никакого жара. Малыш лег в постель вполне здоровым, уверяла она, и днем его ничего не беспокоило. Однако мистер Понтелье слишком хорошо знал симптомы жара и ошибиться не мог. Он упрекнул жену — ребенок мучается температурой, а ей хоть бы что! Почему она так невнимательна, почему не следит за детьми, как

дóлжно? Чья это обязанность, как не матери? У него полным-полно дел в брокерской конторе, не может ведь он быть в двух местах одновременно: и обеспечивать семью, и следить за благополучием домашних!

Миссис Понтелье спрыгнула с кровати и пошла в соседнюю комнату. Вскоре она вернулась и села на край постели, опустив голову на подушку. Женщина ничего не сказала и не отвечала на расспросы мужа. Докурив сигару, мистер Понтелье лег и уже через полминуты крепко уснул.

А миссис Понтелье к тому времени окончательно проснулась. Она тихо плакала, утирая глаза рукавом пеньюара. Затушив свечу, которую муж оставил гореть, миссис Понтелье сунула босые ноги в домашние туфли у изножья кровати и вышла на крыльцо. Там она села в плетеное кресло и принялась раскачиваться вперед-назад.

Уже миновала полночь. В гостевых домиках давно погас свет. Лишь в холле большого дома слабо мерцал огонек. В тишине раздавалось только уханье совы на макушке черного дуба да неизменный глас моря, спокойного в этот безмятежный час. В ночи его гул звучал тоскливой колыбельной.

Слезы беспрерывно катились из глаз миссис Понтелье, и мокрый рукав пеньюара не мог их осушить. Одной рукой она держалась за спинку кресла, и широкий рукав сполз почти до плеча. Миссис Понтелье зарылась пылающим, мокрым лицом в сгиб локтя и зарыдала, уже не заботясь о том, чтобы вытереть лицо, глаза или руки. Она не могла себе объяснить,